

ОСИП ПОЛЯКОВ (Саранск)

МОКШАНСКИЕ ГЛУХИЕ СОНОРНЫЕ

В современном мокшанском литературном языке, а также в мокшанских диалектах сонорным согласным *l, l̥, r, r̥, j* фонологически противопоставлены глухие *l, l̥, r, r̥, j*. Для доказательства их фонематичности можно привести следующие пары слов: *pejəlñä* 'ножичек' — *pejəlñä* 'ножи', *valñä* 'словечко' — *valñä* 'слова', *narñä* 'травка' — *narñä* 'травы', *kar̥t* 'лаптя этого' — *kar̥t* 'лапти', *pej̥t* 'зуба этого' — *pej̥t* 'зубы', *kalf* 'ивы этой' — *kalf* 'ивы' и т. д.

Глухие *l, l̥, r, r̥, j* выступают только в инлауте и в этой позиции могут быть 1) перед показателем мн. числа *t(t̥)* в формах имен и глаголов: *kalt* 'рыбы', *kalf* 'ивы', *vir̥t* 'лесá', *mar̥t* 'бугры', *pejt* 'зубы', *molij̥t* 'идут', *molaj̥t bu* 'пошли бы'; перед показателем 2 л. объекта *t̥* в форме объектного спряжения: *ñaj̥tã* 'я тебя вижу', *ker̥tã* 'я тебя срублю', *kaj̥tã* 'я тебя перейду'; перед суффиксом *t̥* императива: *u̥t* 'пльиви', *kaj̥t* 'иди вброд'; перед каузативным глагольным суффиксом *t̥*: *paj̥tat* 'сжигашь', *kar̥tat* 'палишь'; перед корневым *t̥*: *kar̥tapa* 'нагой', *ur̥ta* 'стадо'; 2) перед глухим заднеязычным *k*: *paj̥kams* 'возиться', *kar̥ka* 'глубокий', *paj̥rkã* 'морковь', *vej̥ksa* 'девять'; 3) перед свистящими аффрикатами *s, š* (кроме *j*): *kar̥šams* 'расходовать', *ku̥r̥šã* 'кормысло', *nor̥šadãms* 'дернуть', *ku̥šandãms* 'слушать', *kaj̥šij̥ãms* 'скрежетать'; 4) перед палатализованной шипящей аффрикатой *č*, а в северо-западном и юго-западном диалектах — и перед *č̥* (глухие *r, l̥*): *kar̥č̥t* 'хвост', *var̥šadãms* 'ударить наотмашь', *kaj̥č̥ãñä* 'крещение', *kar̥šams* 'переплетать'; 5) перед сонорным *ñ* в падежных формах мн. числа указательного склонения: *mar̥ñã* 'яблоки эти' (ном.), *kaj̥ñãñ* 'ив этих' (ген.), *kaj̥ñãñ* 'рыб этих' (ген.), *pej̥ñãñdi* 'к зубам этим' (дат.), *mar̥ñãñdi* 'к яблокам этим' (дат.); 6) перед сонорным *m* (глухие *r, r̥*): *var̥mãdãms* 'рассветать', *vaj̥tãrmã* 'отверстие в бане', *kar̥madãms* 'кольнуть'.

В мокшанских говорах юго-восточного диалекта перед признаком мн. числа *t(t̥)* в именах и глаголах, а также в падежных формах указательного склонения перед *ñ* лит. *j* соответствует смягченный шипящий *š*: *ku̥št* 'змеи', *sašt* 'придут', *morašt* 'поют', *pešt* 'зубы', *u̥dišñã* 'спящие', *pešñã* 'зубы эти', *ku̥šñãñ* 'змей этих', *morašñãñdi* 'к поющим этим' (Феоктистов 1975 : 259).

Носители городишенского диалекта в этой позиции на месте глухого

среднеязычного *ʃ* произносят *jʃ*, а после *i(ĭ)* и *ś*: *jutaʃʃt* 'идут', *uʃaʃʃt* 'дуют', *šimijʃt* и *šimišʃt* 'пьют', *kašĭjʃt* и *kašĭʃt* 'растут' (Ломакина 1966 : 315). В говорах сел Пичеляй и Вязовка (городищенский диалект) на месте среднеязычного *ʃ* выступает *χ*: *guχt* 'змея' — мокш. лит. *kuʃt*, *jutaχt* 'идут' — лит. мокш. *jotaχt*, *muχt* 'найдут' — мокш. лит. *muχt* (Ломакина 1966 : 329). Следует заметить, что в говорах городищенского диалекта в отличие от других мокшанских диалектов *l*, *l̄*, *r*, *ṛ*, *j* очень редко оглушаются перед заднеязычным *k*: *ulka* 'недавно', *kirks* 'воробей', *sarkšams* 'собираться', *šurkä* 'лук' — мокш. лит. *ulka*, *kirks*, *sarkšams*, *šurkä*.

Глухие сонорные *l*, *l̄*, *r*, *ṛ*, *ʃ* характерны и для некоторых эрзянских диалектов и говоров; например, для дракинского диалекта: *veʃke* 'один', *orčams* 'одеть', *nikkalgaʃnuf* 'сокращенный', *valnä* 'слова эти' (ОМД 1 : 197—294); для теньгушевского диалекта: *sart* 'кости (рыбы)', *kaṛt* 'лапти', *kaṛt* 'рыбы', *kaṛt* 'ивы', *iṛt* 'льды', *kedir* 'яровые' (Мионов 1936 : 18—19); для наскафтымского диалекта (чаще всего перед *t*, *t̄*): *surt* 'пальцы', *užər* 'топоры', *kaṛt* 'рыбы', *embeit* 'скобели' (Бибин 1964 : 70—71).

Глухой среднеязычный *ʃ* встречается в отдельных говорах северо-западного диалекта: *šakor* 'всякие', *veʃke* 'один', *nekreščonor* 'некрещенные' (Ермушкин 1968 : 381—382).

А. А. Шахматов глухие сонорные отмечал в эрзянских селах бывшего Саратовского уезда Сухой Карбулак и Оркино: *kaṛt* 'коровы', *kaṛtne* 'лапти эти', *orča* 'ворота', *ila peṛt* 'не бойся', *tatarnä* 'эти татары' и т. д. (1910 : 748).

Произношение глухих *l*, *l̄*, *r*, *ṛ*, *ʃ* является одним из отличительных признаков сабаевской группы эрзянских говоров (Цыганкин 1968 : 386). В этих говорах глухие сонорные могут быть перед показателем мн. числа *t/t̄*: *kaṛt* 'рыбы', *kaṛt* 'ивы', *umaṛt* 'яблоки', *vaṛt* 'масло (мн. ч.)'; глухой *l̄*, кроме того, встречается в формах сослагательного наклонения: *molait bu* 'пошли бы', *urvakstait bu* 'поженились бы'.

Рассматривая вопрос о глухих сонорных, исследователь мордовских языков Х. Паасонен предполагал, что они «... оглушаются перед *t*, *c*, *č*, *k*: *kal* 'fisch', plur. *kal^Lt/viṛ* 'wald', plur. *viṛ^Rt* ..., *kār^Rka* 'tief' ...» (Paasonen 1903 : 51). Перед другими согласными *r^R* и *l^L* могли оказаться, по мнению ученого, результатом выпадения *k* или *t*, ибо наряду с *varši* можно встретить и *varšij* (Paasonen 1903 : 51).

Д. В. Бубрих считал, что у мокши глухих *l*, *l̄*, *r*, *ṛ*, *ʃ* никогда не было, а возникли они «... в силу действия следующей закономерности: все звонкие согласные в положении перед глухими мгновенными и 'аффрикатами — но не перед длительными — т. е. перед *k*, *t*, *t̄*, *č*, *č̄*, *č* (для *n* нет примеров) — но не перед *c*, *c̄*, *ш* — заменялись через глухие» (1953 : 180).

По мнению Альквиста, в мокшанских существительных, которые оканчиваются на *i* или *l*, *r*, перед окончанием мн. числа *t* вставляется *h*: *ili* 'прут, розга' — *ilih^t*, *kaṛ* 'лапоть' — *kaṛh^t*, *val* 'слово' — *valht* и т. д. (Ahlqvist 1861 : 10).

Данной проблемы касались и другие исследователи, в том числе В. Халлап (Hallap 1968), М. Т. Бибин (1964), С. З. Деваев (1963) и т. д. Однако вопрос о происхождении глухих *l*, *l̄*, *r*, *ṛ*, *ʃ* в мокшанском языке до сих пор изучен недостаточно. Определенно установлено, что *l*, *l̄*, *r*, *ṛ*, *ʃ* появились перед глухими согласными. Между тем до конца

не выяснены причины отсутствия оглушения звонких сонорных перед показателем *t* генитива, а также перед *t* в формах объектного спряжения (ряд «их»), не решен вопрос хронологии глухих сонорных. Вызывает интерес и тот факт, что в результате оглушения *l, l', r, r', j* появились новые фонемы, тогда как оглушение других звонких согласных (в мокшанском языке перед глухими оглушались *g, d, d', z, ž* и другие звонкие согласные) не привело к появлению новых фонем. Исключение составляет губно-зубная *f*, которая наблюдается в тех же позициях, что и глухие сонорные. Например: *keft* 'камни' (ном. мн. ч. указ. скл.) < **kevt*, *kefñä* 'камни эти' (ном. мн. ч. указ. скл.) < **kevtñä*, *kefñäh* 'каменей этих' (ген. мн. ч. указ. скл.) < **kevtñäh*, *kafksa* 'восемь' (перед *k*) и т. д.

В раннем мокшанском языке, как и полагали Х. Паасонен и Д. В. Бубрих, не было глухих *l, l', r, r', j*, отсутствовало, соответственно, и фонологическое противопоставление слов, отличающихся согласными *l-l', l'-l', r-r', r'-r', j-j'*. Формы генитива указательного склонения, например, отличались от номинатива мн. числа основного склонения наличием гласного перед падежным окончанием *t*: **viřet* 'леса этого' (ген.) — **viřt* 'лесá' (ном.), **läjet* 'реки этой' (ген.) — **läjt* 'реки' (ном.); совр. *viřt* (ген.) — *viřt* (ном.), *läjt* (ген.) — *läjt* (ном.). Уменьшительно-ласкательные формы отличались от форм номинатива мн. числа указательного склонения наличием *t* перед суффиксом *-ñä*: **kalñä* 'ивушка' — **kaltñä* 'ивы', **marñä* 'яблочко' — **martñä* 'яблоки'; совр. *kalñä* — *kaiñä*, *marñä* — *marñä*.

Можно предположить, что оглушение сонорных проходило следующим образом. В определенный период развития мокшанского языка в формах генитива указательного склонения ед. числа перед *t* выпали гласные, в результате чего эти формы совпали с формами мн. числа основного склонения. Так, в результате выпадения гласного в слове **katet* образовались *kařt* 'лаптя этого' (ген.) — *kařt* 'лапти' (ном.), в результате изменения **viřet* — соответственно *viřt* 'леса этого' (ген.) — *viřt* 'лесá' (ном.), т. е. формы генитива ед. числа указательного склонения перестали отличаться от форм номинатива мн. числа основного склонения. То же происходило и с другими словами, в которых в этой позиции оказывались другие звонкие согласные: **važet* > *važt* 'шапки этой' (ген.) — *važt* 'шапки' (ном.), **käžet* > *käžt* 'зла этого' (ген.) — *käžt* 'зло (мн. ч.)' (ном.) и т. д. Глагольные формы объектного спряжения (ряд «их») **kundajit* 'ты их поймал', **morajit* 'ты их спел' (Бубрих 1948 : 73) после выпадения гласных перед *t* совпали с формами 3 л. мн. числа безобъектного спряжения: **kundajt* 'они ловят', **morajt* 'они поют', совр. *kundajt* 'ты их поймал' — *kundajt* 'они ловят', *morajt* 'ты их спел' — *morajt* 'они поют'. Эти факты говорят о том, что в мокшанском языке (наряду с фонетической) появилась и другая причина — морфологическая, которая дала толчок к началу развития процесса оглушения; в результате образовавшиеся *l, l', r, r', j* (как бы в качестве компенсации потери гласных) стали глухими коррелятами звонким *l, l', r, r', j*. То есть переход звонких сонорных в глухие не был явлением фронтальным, а носил в основном функциональный характер, иначе говоря, служил для различения форм слов.

При таком объяснении становится понятным, почему не произошло оглушение сонорных в формах генитива перед *t*, также *j* перед *t* в фор-

мах объектного спряжения. (Сохранение звонких сонорных в формах генитива Д. В. Бубрих (1953 : 181) объясняет недавним выпадением гласного перед *t*: **kuzət* 'этой ели' перешло в *kuzt*, С. З. Деваев (1963 : 309—310) — недавним выпадением *ü* перед *t*: **virüt* 'этого леса' перешло в *vir̥t*, а сохранение *j* перед *t* в формах объектного спряжения он считает исключением из общего правила.)

Точное время начала процесса оглушения сонорных установить довольно трудно. В этом вопросе мы имеем два ясных момента: 1) в раннем мокшанском языке глухих *l*, *l̥*, *r*, *r̥*, *j* не было; 2) эти глухие сонорные появились не раньше выпадения гласных перед показателем *t* генитива. Глухие *l*, *l̥*, *r*, *r̥*, *j*, употребляющиеся в современных формах множественного числа указательного склонения перед суффиксом *-ñä*, оказались таковыми в результате выпадения глухого *t*: *kaiñä* 'ивы эти' (ном.) < **kaitñä* < **kaltñä*, *pejñän* 'зубов этих' (ген.) < **pejtñän* < **pejtñän*, *karñändi* 'к лаптям этим' (дат.) < **karñtñändi* < **karñtñändi*.

Сонорные *l*, *l̥*, *r*, *r̥*, *j*, появившиеся первоначально перед показателем мн. числа *t* (*t̥*), позже стали употребляться и в пределах корня, где, как считают мордовские лингвисты, они также образовались перед глухим *t* (Бабушкина 1966 : 74; Деваев 1963 : 300). Даже в сочетаниях глухой сонорный + *k* С. З. Деваев перед глухим заднеязычным *k* воспроизводит *t̥*. И, надо сказать, во многих случаях его предположение подтверждается фактами как самого мокшанского, так и родственных языков. Например, С. З. Деваев считает, что *ärkä* 'озеро' произошло из **ärkkä* (фин. *järvi* «тж», где *v* < **k*), *veiks* 'покрывало' — из **veitks* (эрз. *veltamo*), *niiks* — из *niitks* (фин. *niellä* < **nieltä*-) и т. д. (1963 : 312). И, тем не менее, не всегда (например, *nal̥kəms* 'играть', *sərkəms* 'собираться', *šarkədəms* 'понять' и т. д.) можно доказать наличие *t* перед *k* в прошлом, что свидетельствует о возможности оглушения сонорных и перед другими глухими согласными.

Звонкие сонорные не оглушаются перед *t*, *t̥*, *k*, *c*, *č*, *č̥*, которые образовались в результате замены соответствующих звонких. Примеры: *karda* 'хлев' — мн. ч. *kartt*, *karga* 'журавль' — мн. ч. *karkt*, *pajgə* 'колокол' — мн. ч. *pajkt* и т. д. Не отмечены случаи оглушения сонорных в форме транслатива: *kar̥ks* 'подобно лаптю', *pej̥lks* 'подобно ножу', *nal̥ks* 'как стрела', а также в именах со словообразовательным суффиксом *-ks-*, которые тесно связаны с транслативными образованиями: *kalk̥ks* 'рыболовная снасть', *paj̥ks* 'пенки', *sur̥ks* 'кольцо' и т. д.

Глухих *l*, *l̥*, *r*, *r̥*, *j* (и *f*) у мокши раньше не было, поэтому, появившиеся в результате оглушения, они обрели статус самостоятельных фонем. В результате оглушения других звонких согласных (*ž*, *ž̥* > *š*, *š̥*: *važt̥* > *vašt̥* 'шапки', *käžt̥* > *käšt̥* 'зло (мн. ч.)' и т. д.), новые фонемы не возникали по той простой причине, что в системе мокшанского консонантизма их глухие пары существовали до начала этого процесса.

В эрзянском языке дело обстояло иначе: формы генитива ед. числа указательного склонения отличались (и отличаются) от форм номинатива мн. числа основного склонения: *vir̥eñt̥* 'леса этого' (ген.) — *vir̥it̥* 'лесá' (ном.), *kaleñt̥* 'ивы этой' (ген.) — *kalt̥* 'ивы' (ном.), в формах объектного спряжения (ряд «их») среднеязычный *j* выпал: **kundajit̥* > *kundit̥* 'ты их поймал', *kundit̥* 'они ловят' (3 л. безобъектного спряжения), т. е. здесь не было той причины, которая дала бы толчок к развитию оглушения. Хотя, надо заметить, фонетические условия для этого

были налицо: сонорные *l, l̄, r, r̄, j* также оказались перед глухими в формах номинатива мн. числа основного склонения: *vir̄t̄* 'лесá', *pej̄t̄* 'зубы', *kalf̄* 'ивы' и т. д., в формах мн. числа указательного склонения: *vir̄t̄ne* 'леса эти' (ном.), *pej̄t̄n̄ān̄* 'зубов этих' (ген.), *kalf̄neñeñ* 'к ивам этим' (дат.).

В отдельных эрзянских диалектах и говорах глухие сонорные появились под мокшанским влиянием. Так, доказано, что в формировании фонетической системы дракинского диалекта большую роль сыграло мокшанское население (ОМД 1 : 197), сильное мокшанское влияние испытал и теньгушевский диалект, распространенный по соседству с западными и северо-западными мокшанами (Миронов 1963 : 9); в результате ассимиляции мокшанских говоров эрзянским языком сложилась сабаевско-качелаевская группа эрзянских говоров (Цыганкин 1963 : 383), наскафтымский диалект образовался также в результате смешения мокши и эрзи (Бибин 1964 : 20).

В мокшанских говорах юго-восточного диалекта, как уже отмечалось, перед показателем мн. числа *t(t̄)* у имен и глаголов ранний **j* перешел в *š̄*, который, как считает Х. Паасонен, образовался из *χ*, т. е. **j > *χ > š̄* (Paasonen 1903 : 35). На наш взгляд, *š̄* мог образоваться и иным путем: **j > *j̄^{š̄} > š̄*, иначе говоря, **j* перед *t(t̄)* стал произноситься не с заднеязычным оттенком (как в случае *ʃ*), а с переднеязычным глухим шипящим оттенком (как *j̄^{š̄}*), позже *j̄^{š̄}* упростился в *š̄*. В пользу этой гипотезы свидетельствуют материалы мокшанских говоров городищенского диалекта, где первоначальный **j* в этой позиции представлен фонемами *j̄^{š̄}* и *š̄*. В этом диалекте сонорный **j* перед *t(t̄)* стал произноситься также с переднеязычным, но не с шипящим, а со свистящим оттенком (как *j̄^{š̄}*). Однако переход *j̄^{š̄}* в *š̄* здесь не завершился. Появляется *š̄* только после *i(ī)*, после других гласных *j̄^{š̄}* не переходит в *š̄*, очевидно, потому, что в этом случае формы 3 л. мн. ч. настоящего времени совпали бы с формами 3 л. мн. ч. прошедшего времени. Так, *morašt̄* (диал. *moraj̄^{š̄}t̄* < **morajt̄*) означало бы 'они поют' и 'они спели'. При появлении *š̄* (из *j̄^{š̄}* < **j*) после *i(ī)* такого совпадения не происходило, так как *i(ī)* в формах прошедшего времени выпадает: *š̄imiš̄t̄* 'они пьют' — *š̄imš̄t̄* 'они пили', *kand̄išt̄* 'они несут' — *kand̄št̄* 'они принесли' и т. д.

В отдельных говорах городищенского диалекта на месте глухого *j̄^{š̄}* и *š̄* (< **j*) выступает *χ*, который, как представляется, появился в результате упрощения *j̄^χ* (в нашей транскрипции *ʃ*), т. е. **j > *j̄^χ (ʃ) > χ*.

Таким образом, оглушение звонких сонорных *l, l̄, r, r̄, j* началось в то время, когда в определенный период развития мокшанского языка в формах генитива перед *t̄* выпали гласные. Появившиеся *l, l̄, r, r̄, j* стали глухими коррелятами звонким *l, l̄, r, r̄, j*, т. е. различителями форм слов. Позже сфера употребления глухих сонорных расширяется: они начинают употребляться не только перед показателем мн. числа *t(t̄)*, но и в пределах корня и даже перед другими глухими консонантами. Переход звонких сонорных в глухие не был явлением фронтальным, он носил в основном функциональный характер, т. е. служил различением форм слов. Оглушение среднеязычного **j* перед *t(t̄)* в разных мокшанских диалектах и говорах шло разными путями: а) **j > ʃ (j̄^χ)*; б) **j > *j̄^{š̄} > š̄*; в) **j > j̄^{š̄}* и *š̄*; г) **j > *ʃ (j̄^χ) > χ*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкина Р. В. 1966, Темяшевский диалект мокша-мордовского языка. — ОМД IV, 16—225.
- Бибин М. Т. 1964, Говоры наскафтымской мордвы. — Ученые записки мордовского госуниверситета, № 43, Саранск, 19—159.
- Бубрих Д. В. 1948, Сравнительная грамматика финно-угорских языков СССР. — Советское финно-угроведение I, Ленинград (Уч. записки ЛГУ. Серия вост. наук, вып. 2), 47—80.
- 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Деваев С. З. 1963, Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. — ОМД II, 261—432.
- Ермушкин Г. И. 1968, Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка. — ОМД V, 318—382.
- Ломакина Т. И. 1966, Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк). — ОМД IV, 289—329.
- Мионов Т. 1936, Теньгушевский (шокша) диалект как результат скрещения, Саранск.
- Феоктистов А. П. 1960, Мордовские языки и их диалекты. — Вопросы этнической истории мордовского народа, Москва, 63—82.
- Цыганкин Д. В. 1968, Опыт классификации эрзянских говоров Мордовского Присурья. — ОМД V, 383—394.
- Шахматов А. А. 1910, Мордовский этнографический сборник, С.-Петербург.
- Ahlqvist, A. 1861, Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis, St.-Petersburg.
- Hallar, V. 1968, Phonological Problems of the Moksha-Mordvin Language. — CIFU II, 161—167.
- Раасонен, Н. 1903, Mordvinische lautlehre, Helsingfors (MSFOu XXII).

(OSIP POLJAKOV (Saransk)

STIMMLOSE SONANTEN IM MOKSCHANISCHEN

In der gegenwärtigen mokschanischen Sprache und auch in den Dialekten sind den Sonanten *l, l', r, r', j* phonologisch die stimmlosen *L, L, R, R, J* gegenübergestellt. Diese treten nur im Inlaut und hauptsächlich vor den stimmlosen Konsonanten auf. Der Prozeß der Herausbildung der stimmlosen Sonanten begann zu jener Zeit, als in der mokschanischen Genitivform vor *t'* die Vokale schwanden und infolgedessen diese Formen mit denen des Nominativs der Hauptdeklinations zusammenfielen.

L, L, R, R, J wurden zu stimmlosen Korrelaten der stimmhaften *l, l', r, r', j*. Später erweiterte sich der Anwendungsbereich dieser stimmlosen Sonanten und sie wurden auch im Wortstamm und vor anderen stimmlosen Konsonanten gebraucht. Man kann vermuten, daß sich die Veränderung des früheren Sonanten **j* vor *t* (*t'*) in verschiedenen mokschanischen Mundarten auf unterschiedlichen Wegen vollzog:

1) **j* > *J* (*j*^h); 2) **j* > *j*^s > *š*; 3) **j* > *j*^s, *š*; 4) **j* > *J* (*j*^h) > *χ*.

Stimmlose Sonanten in einzelnen Mundarten des Ersänischen sind durch den Einfluß des Mokschanischen zu erklären.